

В тесной комнатухе Гу Цяньюнь хлопотала без устали: то принесет воды, то начнет обрабатывать раны.

— С такими травмами на руках, как же ты пойдешь на пробный экзамен... — начала было она, но тут же осеклась.

Человек и так пострадал, а она заводит разговор о том, кто займет первое место — это выглядело бы как издевательство. Как же теперь сказать что-то такое, чтобы не вызвать раздражения, но при этом показать свою заботу?

— На этом пробном экзамене я уступлю тебе одну дисциплину, — серьезно произнесла она.

Бай Ваньсуй молчала.

Она сама себя так покалечила, а в награду получила лишь обещание уступки в одном предмете. Если бы кто-то другой сказал такое, Бай Ваньсуй осталась бы в крайнем недоумении. Но раз это Гу Цяньюнь, то на душе стало тепло. Ее А-Юнь такая добрая, даже решила поддаться.

Бай Ваньсуй опустила голову, прикрывая ладонью улыбку, и не проронила ни звука, боясь, что та почувствует скрытую радость в ее голосе.

Не дождавшись ответа, Гу Цяньюнь достала из своей комнаты аптечку и опустилась прямо на пол у ног Бай Ваньсуй.

— Может, переоденешь штаны? — В длинных брюках тоже можно было ходить, но они мешали обрабатывать раны.

— Хорошо, — отозвалась Бай Ваньсуй.

Не успела она подняться, как Гу Цяньюнь уже вскочила:

— Сходить тебе принести?

— Не смей заходить в мою комнату!

Бай Ваньсуй запаниковала. Если Гу Цяньюнь войдет, разве не станут очевидны все ее тайные мысли? Нет, ни в коем случае.

Гу Цяньюнь замерла. У нее там что, собака спрятана?

— Тогда не переодевайся, — Гу Цяньюнь снова присела.

— На балконе есть чистое белье, сходи, принеси мне, — Бай Ваньсуй вспыхнула.

Неужели ее А-Юнь пытается с ней заигрывать? Это не вызывало возмущения, только смущение. Если бы можно было, она бы вообще не одевалась...

— Слушаюсь, ваше высочество, — Гу Цяньюнь поднялась.

На балконе сушилась одежда: два комплекта школьной формы, две пижамы, четыре комплекта нижнего белья. Бай Ваньсуй, казалось, была такой холодной и неприступной, но носила такие милые вещи — белые, с кружевами... При мысли о том, как все это смотрится на теле Бай Ваньсуй, у Гу Цяньюнь зашумело в голове, а лицо охватил жар. Какая же она извращенка.

В смятении схватив пижамные брюки и кофту, она, чувствуя себя воровкой, не смела поднять глаз и просто протянула одежду девушке.

— Пожалуй, сначала я приму душ.

Хотя она и не достигла вершины, но проделала немалый путь и порядком вспотела. Одежда липла к телу, от нее исходил резкий запах пота, и это доставляло сплошной дискомфорт.

— Я помогу, — машинально вырвалось у Гу Цяньюнь.

— ...

— Я помогу тебе помыться, — Гу Цяньюнь сама не поняла, что сказала.

Бай Ваньсуй молчала. Гу Цяньюнь тоже застыла.

Осознав сказанное, Гу Цяньюнь покраснела до корней волос. Высокая, почти метр восемьдесят, она сейчас стояла в полной растерянности, словно провинившийся ребенок.

— Я... я имела в виду, что помогу тебе дойти до ванной, чтобы ты могла... помыться. А потом я... я буду ждать тебя снаружи.

— Хорошо, — Бай Ваньсуй не сдержалась и тихо рассмеялась.

Ее улыбка была легкой, красивые глаза согнулись в полумесяцы, светясь нежностью, а на нежной щеке проступила крошечная ямочка. Как давно она не видела ее такой? Гу Цяньюнь уже и не помнила. С того самого дня прощания, когда они встретились вновь, в глазах Бай

Ваньсуй всегда сквозило отчуждение, а на лице лежал иней.

На мгновение Гу Цяньюнь засмотрелась, замороженная. Как же сладко улыбается сестра...

— А-а... — Бай Ваньсуй попыталась встать, но колени пронзила острая боль. Она судорожно вдохнула, и лицо ее мгновенно побледнело.

Гу Цяньюнь тут же пришла в себя, в ее глазах читалась неприкрытая боль за близкого человека:

— Что случилось?

— Ничего, — Бай Ваньсуй, несмотря на слезы от боли, лишь прикусила губу и едва заметно покачала головой.

Глядя на ее бледное лицо, Гу Цяньюнь почувствовала, как к глазам подступают слезы, и, не говоря ни слова, подхватила ее на руки. С каменным лицом она отнесла Бай Ваньсуй в ванную, принесла маленький стульчик и отрегулировала температуру воды. Все это время она хранила молчание, сосредоточенно выполняя свою работу.

— Потерпи, — Гу Цяньюнь опустилась на корточки у ее ног и приподняла штанины.

В больнице сделали снимки, кости были целы, и медсестра наложила простую повязку. Гу Цяньюнь, не доверяя этому, достала аптечку, чтобы перемотать раны бинтом и защитить их от влаги, дабы избежать инфекции.

Бай Ваньсуй от боли инстинктивно дернулась, но не успела отстраниться, как Гу Цяньюнь крепко взяла ее за лодыжку. Ее руки были крупнее, чем у обычных девушек, и обладали приятным теплом; она легко удерживала ногу Бай Ваньсуй.

— Не двигайся!

— Я в порядке...

— Если не хочешь, чтобы завтра я несла тебя в школу на спине, не дергайся.

Бай Ваньсуй послушно замерла. В тесной ванной комнате Гу Цяньюнь, присев на корточки, бережно перебинтовывала ей ноги. Бай Ваньсуй смотрела сверху вниз на ее сосредоточенное лицо, и любовь сама собой переполняла ее взгляд.

Гу Цяньюнь подняла голову, и их глаза встретились. Дыхание у обеих перехватило.

...

...

Любовь невозможно было выразить словами, и в мгновение ока в глазах снова воцарилось равнодушие. Бай Ваньсуй дернула уголок губ, отвела взгляд и спрятала прорвавшееся чувство обратно в глубину души.

Гу Цяньюнь вышла из ванной и, прислонившись к стене, глубоко выдохнула. Она видела взгляд Бай Ваньсуй. Даже если это длилось лишь мгновение, она была уверена, что не ошиблась. Сестренка, неужели ты тоже до сих пор не смогла меня отпустить?

Когда Бай Ваньсуй вышла, Гу Цяньюнь помогла ей снять бинты с рук. Водонепроницаемые повязки нельзя было носить слишком долго, это мешало заживлению. Они молчали, ни словом не обмолвившись о том, что произошло только что. Сейчас они были еще недостаточно сильны, чтобы защитить друг друга.

Гу Цяньюнь с помощью ватных палочек аккуратно промокнула выступившую на ладонях кровь и нанесла мазь. Закончив, она молча пошла в душ.

Когда она вернулась, Бай Ваньсуй уже лежала на диване, погружившись в глубокий сон.

— Сестренка, как же тебе, должно быть, больно, — прошептала она, сидя на полу и рассматривая перебинтованные ладони Бай Ваньсуй. Сердце сжималось от жалости.

Она осторожно коснулась губами рук Бай Ваньсуй, боясь разбудить ее или причинить лишнюю боль. Кончиками пальцев она убрала короткую прядь волос с ее лба, тыльной стороной ладони нежно коснулась щеки.

Она и правда извращенка. Только когда Бай Ваньсуй не видит, она осмеливается тайком прикасаться к ней, не скрывая своих чувств.

— Сестренка, — прошептала она, прижимаясь губами к щеке спящей. Раз за разом, не в силах остановиться, и с каждым поцелуем любовь лишь крепла.

Так как Бай Ваньсуй не позволила войти в свою комнату, Гу Цяньюнь пришлось уложить ее на свою кровать.

— Спи крепко, сестренка.

Укрыв ее одеялом, Гу Цяньюнь еще раз поцеловала ее в лоб и, еще немного полюбовавшись ею, отправилась спать на диван.

Когда Бай Ваньсуй проснулась в полдень, в комнате уже не было и следа Гу Цяньюнь.

— Тетя Чэнь, который час? — Бай Ваньсуй вышла из комнаты Гу Цяньюнь, протирая глаза.

— Двенадцать часов, барышня, — тетя Чэнь отложила дела и подала ей разогретый обед.

Бай Ваньсуй обвела взглядом комнату и, не обнаружив знакомого силуэта, почувствовала легкую грусть.

— Госпожа Гу уехала домой, ей звонил господин Гу.

Тетя Чэнь сразу поняла, кого она ищет, и мягко улыбнулась. Она присматривала за Бай Ваньсуй уже долгое время и хорошо ее знала.

Бай Ваньсуй кивнула и выпила стакан теплой воды.

— Господин вернется вечером. Готовить ужин?

— Не нужно, я поужинаю дома.

<http://bllate.org/book/20755/2081117>